

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАТУРАЛЬНЫЕ ПОДАТИ

4. ПЕРЕХОД К НАТУРАЛЬНОМУ НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ ДЕРЕВНИ. 1928 – 1932 гг.

Становление системы натурального обложения полеводства.

Экономической основой осуществившегося в конце 1920-х гг. перехода к налогово-податным методам заготовок сельскохозяйственной продукции стало наращивание неэквивалентности обмена между монополизировавшим оптовый аграрный рынок государством и деревней. Правящий режим в рамках поставленной им в повестку дня задачи сверхиндустриализации страны стремился максимизировать объемы получаемых в свои руки сельхозпродуктов и одновременно минимизировать их закупочную цену. Это позволяло, с одной стороны, увеличить прибыльность и величину аграрного экспорта и тем самым нарастить импорт машин и оборудования, а с другой – удешевить централизованное снабжение потребителей внутри страны. Однако на пути осуществления подобных стремлений стояло крестьянство. Во-первых, крестьянское хозяйство, по определению, отличалось низкой товарностью. Во-вторых, селяне не желали продавать произведенную ими продукцию государственным заготовителям и огосударствленной кооперации по низким ценам, а предпочитали либо найти более выгодных покупателей в лице частных, либо уменьшить объемы реализации, увеличив внутривозрастное потребление, отложив сбыт или сократив производство.

Массовая задержка крестьянами реализации продуктов полеводства вызывала сокращение объемов централизованных заготовок и ухудшение снабжения населения потребляющих регионов и городов продовольствием, а промышленности – сырьем. В 1926/27 г. связанное с существенным снижением закупочных цен падение заготовок технических культур привело к прекращению их экспорта и перебоям в работе перерабатывающих предприятий. Но наиболее значимой для судеб нэпа формой экономического поведения крестьянства являлась задержка сбыта зерна (т.н. хлебные стачки)¹. В середине 1920-х гг. подобное поведение сельхозпроизводителей купировалось преимущественно экономическими мерами (сокращением экспорта, увеличением

импорта, хлебными и товарными интервенциями, повышением закупочных цен), что, однако, приводило к снижению темпов промышленного строительства. В 1927/28 г., в очередной раз столкнувшись с широкомасштабной задержкой продажи зерна его производителями, советские лидеры отказались поступиться намеченными индустриальными программами и приняли решение перейти к внеэкономическим методам отчуждения хлеба. Приехавший в январе 1928 г. в Сибирь И.В. Сталин санкционировал **применение к крупным держателям хлеба 107 ст. УК РСФСР²** как к спекулянтам. Тем самым был дезавуирован базовый нэповский принцип, в соответствии с которым крестьянин имел право не только использовать произведенную продукцию для продажи, но и оставлять ее в своем хозяйстве. Государство вновь, как и в период «военного коммунизма», стало определять объемы сельхозпродуктов, которые производитель мог оставить себе и был обязан продать государству.

С этого времени начался интенсивный поиск, апробация и законодательное оформление способов организации оборота сельскохозяйственной продукции, гарантирующих ее сдачу государству по установленным ценам, а также вынуждающих крестьян за счет сокращения внутривозвращенного потребления и страховых запасов увеличить товарный выход произведенных продуктов. При этом правящий режим в первую очередь стремился наладить систему внеэкономического отчуждения зерна.

Большевистское экспериментаторство в сфере заготовок обеспечивалось насилием над крестьянством, расколом деревни по социально-имущественному признаку, жестким давлением на низовой аппарат и его чисткой от сторонников продолжения нэпа. Психологический прессинг, произвол местных функционеров, административный нажим, судебное преследование, государственное насилие в форме прямых репрессий (арестов, высылки, расстрелов) прежде всего обрушивались на зажиточных крестьян. Составной частью борьбы с зажиточным крестьянством было натравливание на него бедноты, для чего использовался прямой подкуп (четверть конфискованного «кулацкого» хлеба распределялась между наименее состоятельными и в то же время лояльными властями жителями деревни), экономическое и налоговое льготирование, интенсивное «промывание мозгов». Государственное насилие отчасти задевало и среднее крестьянство. Однако большая часть середняков либо нейтрализовалась угрозой применения к ним репрессий, либо агитационно-пропагандистскими методами перетягивалась на сторону режима.

Не меньшие масштабы, чем «антикулацкие», приобретали репрессии против сельских партийных, советских и кооперативных работников. Ослабление темпов заготовок в районе или селе влекло их наказание в административном порядке, снятие с работы, исключение из партии, привлечение к судебной ответственности по статьям 111 (за «бездействие» или «халатное отношение» к служебным обязанностям) и 109 (за «злоупотребление властью или служебным положением») УК РСФСР³.

Чтобы лишить крестьян возможности продать свою продукцию иным покупателям, власти занялись сворачиванием рыночных отношений. Частный капитал был вытеснен из межрегионального оборота сельхозпродуктов еще к началу 1927 г. В конце этого года началось изгнание частных торговцев из местного оборота. Основным инструментом борьбы с ними стало преследование по той же 107 ст. УК РСФСР, предусматривающей, как указывалось выше, наказание за спекуляцию. При этом в судебной практике понятие спекуляции трактовалось настолько широко, что могло быть применено к любой торгово-закупочной деятельности. Причиной возбуждения уголовного преследования могла быть не только скупка с целью последующей перепродажи, но и обычная продажа крестьянином на вольном рынке излишков своего хозяйства. С 1929 г. торговля собственной продукцией стала относиться к источникам «нетрудового» дохода и служила основанием для причисления хозяйства к категории кулацкого и его обложения сельхозналогом в индивидуальном порядке⁴. Свой вклад в борьбу с «рыночной стихией» вносили местные власти, по собственному усмотрению закрывая базары, выставляя на дорогах к ним заградотряды, конфискуя предназначенное для реализации зерно, запрещая внутридеревенскую куплю-продажу сельхозпродуктов.

В рамках поиска способов поступления зерна в свои руки государство постоянно обращалось к методам внеэкономического стимулирования хлебозаготовок. В первую очередь власти пытались убедить крестьян в необходимости сдачи зерна, что квалифицировалось как признак лояльности к существующему режиму, а несдача объявлялась «контрреволюционным» поведением. Агитировали крестьян на сходах, бедняцких и иных собраниях, в избах-читальнях, клубах, на дому. К этой работе привлекался весь деревенский актив, присланные в деревню уполномоченные, рабочие, комсомольские и красноармейские бригады, сельские специалисты, учителя и даже школьники. С несдатчиками проводили собеседования в сельсоветах. При этом местные функционеры очень часто использовали в качестве мер «убеждения»

угрозы оружием, избиения, несанкционированные обыски и аресты, лишение крестьян их законных прав, превращающееся в издевательство психологическое давление.

В 1928 г. подобные действия были официально осуждены как «перегибы». Однако в начале следующего, 1929 г., часть из них послужила основой для санкционированной сверху и широко распространенной практики **«бойкота»**, заключающейся в занесении несдаччиков на «черную доску», публичном объявлении их врагами советской власти, отказе от продажи им товаров в кооперативных лавках, пользовании общественными угодьями, помоле зерна, выдаче необходимых справок в сельсоветах и т.п.

В качестве действенного метода стимулирования хлебосдачи правящий режим активно использовал психологический эффект от репрессивных акций. Проводя их публично, государство запугивало жителей деревни, демонстрируя им свою решимость. Примером преимущественно «воспитательной» направленности репрессий может послужить применение к зажиточным крестьянам в первой половине 1928 г. ст. 107 УК РСФСР. Задев относительно небольшое число сельских жителей⁵, открытые, с выездом на место «преступления» и широко освещаемые в прессе, процессы над «кулаками», обвиненными в «саботаже» хлебозаготовок по этой статье, должны были внушить страх основным держателям хлеба – середнякам и вынудить их сдавать свое зерно.

Параллельно с апробацией внеэкономических стимулов в конце 1920-х гг. осуществлялся переход от коммерческого к налогово-податному механизму организации хлебозаготовок. Его базовым принципом являлось разверстывание заготовительного задания. В первую очередь принцип разверстки был введен в практику планирования. План хлебосдачи в масштабах всей страны стал формироваться сверху вниз, а не наоборот, а его размеры определяться не на основе статистически обоснованной оценки возможностей зернового производства, а исходя из государственной надобности, сформулированной органами верховной власти. Разверстанные по регионам и приобретшие характер заданий, планы заготовок могли в течение года изменяться в сторону повышения⁶. В качестве же вполне достаточного доказательства возможности их выполнения выступала убежденность в том, что хлеб в необходимом количестве в деревне есть.

Действующие на общегосударственном уровне принципы определения, раскладки и изменения заготовительных заданий повторялись региональными и местными властями. В начале 1928 г. в практике за-

готовительной деятельности появились порайонные планы хлебосдачи (до этого самым низшим уровнем территориального плана был окружной или уездный), которые затем распределялись между заготовочными организациями и сельскими кооперативами. Затем от раскладки по кооперативам власти перешли к распределению порайонных заданий между сельсоветами и деревнями. Более того, отмечались случаи, когда местные функционеры разверстывали заготовительные задания по дворам. Но в 1928 г. подворная разверстка была отнесена к разряду «перегибов».

Однако уже весной 1929 г. подобные «перегибы» перешли в ранг официальной государственной политики. 20 марта Политбюро ЦК ВКП(б) обязало органы управления восточными регионами страны, и прежде всего Урала и Сибири, произвести повсеместное распределение поселенных планов хлебосдачи между дворохозяйствами, сделав выполнение разверстанных заданий обязательным. При этом подворную разверстку следовало выдавать за инициативу сельской общественности (бедняцких собраний, партийно-советского актива)⁷. В начале мая аналогичную директиву получили другие хлебопроизводящие регионы СССР⁸. А летом **новый метод хлебозаготовок**, получивший наименование «**урало-сибирского**»⁹, был законодательно оформлен и признан основным методом их проведения¹⁰.

В соответствии с принципами организации хлебосдачи по урало-сибирскому методу решение о взятии селом обязательств по выполнению разверстанного на него заготовительного задания принималось на общем собрании жителей, имеющих избирательные права, простым большинством голосов («бедняцко-средняцкое большинство»), после чего избранная там же комиссия содействия хлебозаготовкам определяла объемы зерна, обязательные для сдачи жилищными хозяйствами. При этом разверстываемые на них задания, получившие название «твердых», должны были равняться всем выявленным в этих хозяйствах «товарным излишкам» и в совокупности составлять большую часть поселенного плана. Оставшаяся часть плана распределялась между остальными селянами (прежде всего середняками) «*в порядке самообязательства*». Проведенная таким образом подворная раскладка утверждалась сначала «бедняцко-средняцким большинством» сельского схода, а затем сельсоветом, приобретая тем самым официальный статус задания, имеющего «*общегосударственное значение*». А неисполнение «*общегосударственных заданий*» преследовалось по ст. 61 УК РСФСР¹¹: от налагаемого в административном порядке штрафа, кратного размеру невыполненного задания, до тюремного заключения

и даже выселения с постоянного места жительства в случае группового отказа или «активного сопротивления органам власти». Впрочем, последнее могло подпадать под юрисдикцию ст. 58 УК РСФСР¹², предусматривающей наказание за «контрреволюционные преступления» и достаточно часто применяемой карательными органами в отношении «саботажников» хлебосдачи.

Параллельно с урало-сибирским методом происходило становление **контракционной системы**. В СССР контрактация технических культур применялась с 1922 г. и представляла собой добровольный и взаимовыгодный договор между изготовителем (промышленным предприятием или кооперативным объединением) и производителем (единоличным хозяйством или колхозом), в соответствии с которым производитель брал на себя обязательство поставить изготовителю оговоренный объем сельхозпродукции, а последний обязывался проавансировать будущие закупки продукции или предоставить в кредит материально-финансовые ресурсы, необходимые для ее производства (семена, орудия труда, агротехнические услуги, денежные ссуды и т.п.).

В конце 1920-х гг. власти поставили задачу перехода к массовой контрактации всех видов сельскохозяйственной продукции, в т.ч. зерновых¹³. В 1928 г. в Сибирском крае законтрактовали 4% от общей площади посева зерновых и 18% технических культур, в 1929 г. – соответственно 23,5 и 40%¹⁴.

В 1929 г. порядок контрактации претерпел существенные изменения. В соответствии с постановлениями органов Верховной власти СССР и РСФСР¹⁵ в качестве ее контрагентов могли выступать только кооперативы, колхозы и земельные общества. *«Для облегчения борьбы с кулачеством и преодоления его сопротивления мероприятиям по социалистической реконструкции сельского хозяйства»* контрактационные договоры с земобществами должны были утверждаться на общем собрании их членов «бедняцко-средняцким большинством». Затем обязательства по производству и сдаче продукции распределялись между всеми дворами, *«учитывая мощность их хозяйств»*. Проведенная раскладка утверждалась сельсоветом, что давало право преследовать не выполняющие ее хозяйства по ст. 61 УК РСФСР. Вводилась коллективная ответственность за невыполнение договорных обязательств. Денежную неустойку за это должно было платить земельное общество в целом. Кроме того, наряду с авансовой вводилась безавансовая контрактация и ставилась задача «постепенного устранения» денежного авансирования контрактантов. Таким образом, контрактация

превращалась в разновидность разверстки и приобретала характер натуральной подати.

Помимо заготовок в порядке урало-сибирского метода и контрактации в конце 1920-х гг. часть зерна и маслосемян поступало в централизованный фонд в качестве изымаемой государством натуральной оплаты за помол зерна, переработку его в крупу и переработку семян масличных культур (**гарнцевый сбор**)¹⁶, а также за уборку и обмолот крестьянского и колхозного хлеба машинами МТС, прокатных пунктов, других государственных, кооперативных и общественных организаций и учреждений (**уборочно-обмолотный сбор**)¹⁷.

Заготовительная политика советского государства в конце 1920-х гг. в первую очередь была направлена на экономическое удушение зажиточных хозяйств. Однако заготовки были разорительными не только для кулаков, но и для других крестьян. Сдача сельхозпродуктов по государственным закупочным ценам прибыли не приносила, а иногда даже не покрывала производственные издержки. Более того, под давлением властей сельские жители были вынуждены наряду с прибавочным вывозить на заготовительные пункты и значительную часть необходимого продукта. Сверхнормативное изъятие хлеба оборачивалось ухудшением продовольственного обеспечения деревни. Нехватка продовольствия как результат централизованных заготовок стала ощущаться в сельской местности ряда районов Сибири уже летом 1928 г. В конце же 1929 г. на пороге голода стояли целые округа¹⁸.

Принудительное изъятие хлеба вызвало со стороны крестьянства сопротивление, проявляющееся в сокрытии зерна, отказе или затягивании его вывоза, «самоликвидации» хозяйства и бегстве из деревни, агитации против политики режима, актах индивидуального террора против представителей власти и ее сторонников, открытых массовых протестах.

Неэквивалентность обмена подрывала у крестьян стимулы к расширению хозяйства. Более того, в 1929 г. наметилось сокращение производства продукции растениеводства, которое в ближайшей перспективе могло смениться его падением. Причины подобного положения Верховная власть увидела не в собственной политике, а в исчерпании возможностей развития мелкотоварного крестьянского хозяйства. В связи с этим было принято решение форсировать коллективизацию деревни и в самые короткие сроки заменить мелкое крестьянское хозяйство крупным, а, следовательно, и значительно более товарным, «социалистическим».

Помимо подъема сельскохозяйственного производства социалистическое преобразование деревни должно было, по мнению его идеологов, решить проблему заготовок. Однако действительность оказалась слишком далека от оптимистичных предположений. На первом этапе коллективизации в колхозах удалось удержать только пятую часть крестьянских дворов Сибири. При этом в 1930 г. в силу снижения посевных площадей и товарности ставших более мелкими крестьянских хозяйств продолжилось снижение уровня производства продукции растениеводства, что еще более осложнило ситуацию с ее заготовками.

В 1930 г. параллельно с массовой коллективизацией планировалось осуществить полномасштабный переход к контрактации сельскохозяйственного производства. Но из-за развала большинства созданных зимой и в начале весны этого года колхозов, с которыми были заключены договора, выполнить поставленную задачу не удалось. Значительное число вышедших из колхозов крестьянских хозяйств оказалось неохваченным контрактацией. В связи с этим в 1930/31 г. в индивидуальном секторе сельской экономики наряду с ней продолжал действовать урало-сибирский метод заготовок. При этом в контрактационную систему и в порядок утверждения «твердых» заданий вносились некоторые изменения. Во-первых, вновь разрешалось заключение договоров не только с земельными обществами, но и с индивидуальными («беднячко-середнячками») хозяйствами, а также их неформальными группами («группами посевищиков») ¹⁹. Во-вторых, запрещалась контрактация посевов хозяйств, отнесенных к категории кулацких. Эти хозяйства сдавали продукцию только по «твердым» заданиям, размеры которых определялись комиссиями содействия заготовкам и утверждались непосредственно сельсоветами, минуя стадию их обсуждения на сельском сходе ²⁰.

Крестьяне-единоличники, которые не получали «твердых» заданий, сдавали сельхозпродукты в соответствии со своими обязательствами по контрактационным договорам или в порядке разверстанного на них после принятия поселенного заготовительного плана «самообязательства». Однако далеко не всегда дело ограничивалось сдачей заранее оговоренных объемов продукции. Во-первых, контрактационные обязательства могли корректироваться в сторону повышения во время принятия поселенного плана. Во-вторых, уже в ходе заготовительной кампании крестьянам навязывались дополнительные задания в форме т.н. **встречных планов** ²¹.

Принципиальная специфика кампании 1930/31 г. заключалась в существенном увеличении в производстве и заготовках роли колхозов, на

долю которых в регионе приходилось 30% посевных площадей²². При этом отчуждение произведенной ими продукции, также имевшее налогово-податной характер, осуществлялось по следующей схеме²³. Не обслуживаемые МТС хозяйства заключали с райколхозсоюзами договора контрактации, в соответствии с которыми обязывались сдавать государству определенную часть валового сбора (т.н. обязательное задание). При получении высокого урожая эта норма увеличивалась, низкого – уменьшалась. Однако если районный план, сведенный из рассчитанных по нормам обязательной сдачи колхозных планов, оказывался меньше разверстанного на район задания, то хозяйства «добровольно» принимали на себя определенные районными властями дополнительные задания. Поставку продукции следовало производить по утвержденному районными органами календарному плану, включающему в себя пятидневные и даже ежедневные задания. В свою очередь сроки сдачи для районов устанавливались краевыми властями, исходя из заготовительного задания Центра. Из остающейся после сдачи государству продукции колхозы обязывались образовать семенной, страховой и фуражный фонды, а также натуральный фонд, предназначенный для продовольственного обеспечения вступающих в колхоз бедняков. Оставшаяся часть урожая распределялась между колхозниками *«в соответствии с трудовым вкладом»*. Продажа произведенных в колхозах продуктов на вольном рынке категорически запрещалась.

Как и у единоличников, изъятие сельскохозяйственной продукции у колхозов имело сверхнормативный характер. Полное выполнение разверстанных на них заготовительных заданий могло оставить хозяйства без семян и продовольствия. Поэтому руководители многих колхозов, опираясь на поддержку рядовых членов, стремились скрыть имеющиеся у них продукты, задержать их сдачу, создать до ее завершения натуральные фонды, в том числе не предусмотренные законодательством, раздать продукцию колхозникам по «завышенным», по мнению властей, нормам или продать ее на рынке. В ответ на это колхозы лишались налоговых и иных льгот, от них требовалось досрочное погашение задолженностей, прекращалось их кредитование, снабжение сельхозорудиями и потребительскими товарами, а руководители привлекались к партийной, административной и судебной ответственности. В феврале 1931 г. краевое руководство санкционировало применение к нескольким колхозам «высшей меры наказания» – их роспуск за «злостную» задержку выполнения обязательств по хлебосдаче²⁴.

Не прекращался нажим на единоличников. Кратное обложение и уголовное преследование в первую очередь применялись к хозяйствам,

получившим «твердые» задания²⁵. К остальным крестьянам рекомендовалось применять «общественные меры воздействия». Однако помимо этого невыполнение увеличенного в ходе кампании «самообязательства» могло повлечь перевод двора в разряд зажиточных и наложение на него «твердого» задания. Так, секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе 9 февраля 1931 г. направил в адрес районов с низким темпом хлебозаготовок директивную телеграмму, обязывающую местные власти *«довыявить дополнительное количество кулацких [и] зажиточных хозяйств»*. При этом они не должны были ограничиваться уже раскулаченными дворами *«не дающими хлеба»*, а заняться «тщательным» расследованием каждого случая *«демонстративного отказа от выполнения принятого самообязательства»*, и если этот крестьянин окажется «зажиточным» «немедленно» предъявить и «срочно» взыскать с него «твердое» задание²⁶.

В итоге в заготовительную кампанию 1930/31 г. «твердое» задание по хлебосдаче получили 56 294 «кулацких и зажиточных» хозяйств Западно-Сибирского края, или 6,5% от общего числа единоличных дворов, а их доля в заготовительном плане по единоличному сектору составляла 17,4%²⁷. Следует отметить, что причисление к кулакам грозило не только ограблением хозяйства в ходе заготовок, но и его ликвидацией и высылкой на спецпоселение. Весной-летом 1931 г. в регионе была проведена еще более массовая, чем в 1930 г. депортация крестьян²⁸.

В 1931 г. сталинский режим начал новый штурм единоличной деревни, результатом которого стало нарастание темпов коллективизации. К середине года в колхозах состояло 46% крестьянских хозяйств Западно-Сибирского края, к концу – 61, а доля «социалистического» сектора сельской экономики в общей площади посевов выросла соответственно до 74 и 92%²⁹. Массовый характер приобрела контрактация, которая стала базовой натуральной подачей. В Сибири контрактывались практически все продукты полеводства (зерновые, крупяные, бобовые, масличные и технические культуры, кормовые корнеплоды, семена трав, картофель и овощи), выращиваемые в единоличных хозяйствах, колхозах и личных хозяйствах колхозников, а также сено.

При этом заготовки продукции растениеводства в рамках контрактации стали осуществляться по следующей схеме. Начиналось все с разверстки на регионы, районы, колхозы и сельсоветы посевных планов, которые обсуждались и утверждались на общих собраниях колхозников или на собраниях единоличников, хозяйства которых относились к категории бедняцких или середняцких. В единоличном секторе

посевные обязательства, взятые на себя группой посевищиков, распределялись между всеми дворами. Проведенная раскладка утверждалась сельсоветом.

После принятия посевных заданий и исходя из их размеров уполномоченные райколхоз- или райкоопсоюзов приступали к заключению договоров о контрактации, которые также обсуждались и принимались на собраниях колхозников и единоличников. Договоры с личными хозяйствами членов колхозов заключались в индивидуальном порядке, но так же, как и в случае с единоличниками, утверждались сельсоветами. В соответствии с заключенным договором контрактанты должны были вырастить указанную в нем культуру с соблюдением обязательных агротехнологических приемов («агроминимум») и сдать ее «товарные излишки» государству. В договорах также оговаривались примерные нормы (в % от валового сбора)³⁰, место, предельные сроки сдачи продукции, а также ее качество и заготовительная цена.

В перечень обязательств, которые от имени государства брали на себя райсоюзы, могло входить снабжение контрактантов сортовыми семенами, их агрономическое обслуживание, авансирование и производственное кредитование, снабжение дефицитными промышленными товарами по государственным ценам. Для производителей технических культур предусматривалась выдача продуктов их переработки (сахара, растительного масла, жмыхов и др.), а также продажа хлеба по государственным ценам. Посевщики ряда технических культур при условии выполнения ими условий контрактационных договоров по площади посева, объемам и срокам поставок полностью или частично освобождались от хлебосдачи. Однако в полном объеме данный перечень реализовался лишь в редких случаях. Производственное кредитование предусматривалось лишь в отношении колхозов. Сортовыми семенами обеспечивалась незначительная часть посевов. Контрактация зерновых и сена была безавансовой, а производство большинства остальных культур авансировалось лишь частично³¹. Авансирование, товаро- и хлебоснабжение единоличников производилось по остаточному принципу и по нормам, уступающим колхозным. Принятые в начале сельскохозяйственного года нормы снабжения могли впоследствии быть снижены³².

В соответствии с действующими нормативными актами окончательные объемы продукции, подлежащей поставке государству по контрактации, должны были устанавливаться перед началом уборочных работ после определения урожайности. В действительности же размер сдачи зависел не от урожая, а от заготовительного задания, которое

устанавливалось Центром и разверстывалось на регионы, районы, сельсоветы и колхозы. При этом краевые и районные власти могли увеличить доведенное до них задание, чтобы застраховать себя от его возможного невыполнения³³. Разверстанное на сельсовет или колхоз заготовительное задание вновь должно было обсуждаться и приниматься на соответствующих собраниях, а также утверждаться сельсоветом. Ту же процедуру следовало повторить и при принятии «встречного» плана.

Таким образом, сложившаяся в 1930 – 1931 гг. **контракционная система** заготовок сельскохозяйственных продуктов включала в себя базовые элементы урало-сибирского метода. Более того, ее центральным звеном являлись не контрактационные договоры, а разверстываемые накануне начала уборки урожая на сельсоветы и колхозы заготовительные планы. Данная система требовала от местных властей неоднократных и значительных управленческих усилий. Еще до начала заготовок им необходимо было провести три хозяйственно-политические кампании, в ходе которых армии посылаемых в деревню уполномоченных следовало добиться от колхозников и единоличников сначала принятия посевных планов, затем договоров контрактации, и, наконец, годовых заготовительных заданий. Однако самое трудное оставалось впереди. Крестьян еще нужно было заставить выполнить планы заготовок.

За пределами контрактационной системы, помимо т.н. кулацко-зажиточных хозяйств³⁴, оставались колхозы, расположенные в зоне действия МТС, которых обязывали заключать с последними договоры об обслуживании, предусматривающие поставку государству «всех товарных излишков полевого хозяйства». Подобным колхозам, «как правило», устанавливались более высокие, чем хозяйствам, не обслуживаемым МТС, нормы сдачи сельхозпродуктов. Для того чтобы этого добиться, руководителям МТС следовало составить хлебофуражные и иные балансы, доказывающие возможность сверхнормативных поставок. Если же баланс не отвечал этой задаче, то его содержание до колхозников не доводилось, а план сдачи продукции устанавливался на уровне принятой для данного района нормы поставок для колхозов, не обслуживаемых МТС. При этом представитель машинно-тракторной станции на общем собрании колхозников, созванном по поводу принятия плана сдачи хлеба или других продуктов растениеводства, должен был убедить их в том, что «*план этот является для колхоза посильным*»³⁵. Помимо запланированных поставок государству, колхозы рас-

считывались натурой за проведенную машинами МТС уборку и обмолот.

Особенности перехода к налоговому-податному обложению животноводства.

Переход к налоговому-податным методам заготовок продукции животноводства был осуществлен в рамках развития контрактационной системы. В то же время становление системы натурального обложения различных видов животноводческой продукции имело свою специфику.

В период нэпа наиболее товарной отраслью аграрного производства в Сибири оставалось молочное хозяйство. Практически все реализуемое крестьянами молоко перерабатывалось на кооперативных маслозаводах. Проведенная в 1922 – 1923 гг. демополизация заготовительного рынка животного масла и либерализация цен способствовала быстрому восстановлению разрушенного во время первой мировой и гражданской войн промышленного маслоделая. В середине 1920-х гг. ситуация меняется. Государство возвращается к директивному ценообразованию и восстанавливает масляную монополию, которая осуществляется интегрированным в административно-командную систему кооперативно-государственным заготовительным аппаратом³⁶.

Процесс монополизации рынка негативно сказался на развитии сибирского маслоделая. С 1925 г. темпы его восстановления стали замедляться, а с 1928 г. начался спад производства масла. Стимулы к расширению товарности молочного хозяйства подрывали низкие закупочные цены. Крестьяне начали сокращать реализацию молокопродукции, расширяя ее внутривозвращенное потребление. В этих условиях государство, изыскивая способы увеличения объемов заготовок, обратилось к контрактации.

Проведенная в начале 1929 г. в районах, специализирующихся на производстве масла, добровольная контрактация молока в индивидуальных хозяйствах Сибири стимулировалась льготным исчислением сельхозналога, а также продажей по государственным ценам зерна и т.н. сильных кормов. Пятидесятипроцентную скидку с вмененной доходности коров (см. гл. 1) крестьяне получали в том случае, если заключали с коопсоюзом договор о контрактации, в котором обязывались сдать за год установленный объем молока. Величина годового «заноса» молока на маслозавод зависела от количества коров в хозяйстве. Чем их было больше, тем больше была норма сдачи в расчете на одну корову. Хлеб и концентрированные корма продавались тем кон-

трактантам, которые обязывались увеличить «занос» молока на маслозавод по сравнению с предшествующим годом. В случае невыполнения договора сдатчик лишался налоговых льгот, вносил неустойку за каждый несданный пуд, выплачивал приходящуюся на несданное молоко стоимость приобретенного хлеба с пятикратной надбавкой и кормов с десятипроцентной надбавкой³⁷.

Однако контрактация положение не исправила. Тем более, что государство не выполнило в полном объеме взятых на себя обязательств по снабжению крестьян маслопроизводящих районов хлебом и концентрированными кормами. Но главная причина падения объемов маслозаготовок³⁸ заключалась в начавшемся сокращении поголовья продуктивного скота³⁹. Продолжающееся относительное снижение закупочных цен на молоко делало его товарное производство не выгодным и побуждало крестьян сокращать количество коров в своих хозяйствах до уровня, обеспечивающего удовлетворение только потребительских норм.

В преддверии массовой коллективизации крестьяне начали массовой забой скота, грозивший привести к полному разрушению товарного животноводства. Ответом режима стал переход от добровольной и индивидуальной к обязательной и коллективной **контрактации**, которая фактически приобрела характер натуральной подати. Данная метаморфоза законодательно оформлялась постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 декабря 1929 г., превращающим обязательство по сдаче предусмотренного контрактационным договором объема сельхозпродукции в разновидность «общегосударственного задания», невыполнение которого преследовалось по ст. 61 УК РСФСР⁴⁰.

Исходя из требований Центра о массовом переходе к контрактации, сибирские власти поставили перед местными органами управления задачу добиться заключения контрактационных договоров о поставке молока и скота на мясо со всеми земельными обществами и коллективными хозяйствами края⁴¹. Кроме того, в регионе проводилась работа по контрактации шерсти, кожевенного сырья, овечьего и козьего молока для его переработки на брынзу, а также *«товарных излишков яйца и птицы»*.

В соответствии с утвержденными крайисполкомом и окрисполкомами инструкциями⁴² контрактанты должны были, обеспечив должный уход за скотом («зооинимум»), сдать в оговоренные сроки кооперативным заготовителям установленный объем продукции надлежащего качества. При этом основной задачей контрактации скота на мясо являлось не увеличение объемов мясозаготовок, а предотвращение его

массового убоя. В договорах по этому поводу особо оговаривалось обязательство владельцев сохранить («передержать») животных в течение определенного срока⁴³. Сельсоветам надлежало регистрировать законтрактрованный скот, а также контролировать его сохранность и соответствующее содержание. Преждевременный убой наказывался денежной неустойкой. В свою очередь, государство в лице заключающих договоры кооперативных союзов должно было выдавать контрактанту авансы и концентрированные корма, а также гарантировало ему ветеринарную помощь. Своевременная сдача скота премировалась пятипроцентной надбавкой к заготовительной цене.

Молочная контракция, которая была безавансовой, стимулировалась «сильными» кормами, дефицитными промышленными и продовольственными товарами (тканями, сахаром, рыбой, растительным маслом) и хлебом. Контракция шерсти обеспечивалась авансами, кормами (овсом) и промтоварами. Снабжение и авансирование контрактантов осуществлялось по т.н. классовому принципу⁴⁴. Нормативы для колхозов повышались, а хозяйства, отнесенные в разряд кулацких, не получали ничего. Досрочный убой скота в них преследовался не в административном, а в уголовном порядке⁴⁵. Более того, если остальным категориям контрактантов оказывалась бесплатная ветеринарная помощь, то кулаки за нее должны были платить.

Планы полного охвата сельхозпроизводителей контракцией уже в начале 1930 г. реализованы не были. В условиях начавшейся массовой коллективизации контрактационные договоры заключались прежде всего с колхозами. Однако после развала большинства из них значительное число бывших колхозников оказалось вне контрактационной системы. Оставшиеся колхозы также не выполняли своих договорных обязательств. Не удалось остановить и массовый забой скота жителями деревни. В результате воздействия данных факторов произошло катастрофическое падение объемов поставок молока. Несмотря на наличие в деревне большого количества мяса, темпы его сдачи также замедлились.

Чтобы добиться выполнения плана мясозаготовок до наступления теплой погоды, Сибкрайисполком разверстал по округам задание по дополнительной контракции скота. В целях его выполнения следовало добиться досрочной сдачи скота, оставленного на «передержку», а также изъять в колхозах мясо, конфискованное в кулацких хозяйствах при их экспроприации⁴⁶.

Кроме того, в Сибири фактически заново была проведена договорная кампании по контракции продуктов животноводства⁴⁷. В ее рам-

ках оформлялись индивидуальные соглашения с членами земельных обществ, уже охваченных контракцией. Уточнялись обязательства коллективных хозяйств. Новые договоры заключались с крестьянами, вышедшими из колхозов. Основной задачей кампании являлось доведение календарного плана сдачи продукции до каждого колхоза и двора, после чего надлежало осуществлять *«постоянный и жесткий контроль»* за их соблюдением.

Сдатчиков, не выполняющих планов, следовало наказывать путем «общественного воздействия», лишения права на снабжение промтоварами и взыскания предусмотренной договором неустойки. Члены правлений «неисправных» колхозов *«в случае наличия злостного невыполнения или халатного отношения»* должны были сниматься с занимаемых должностей. Наиболее «злостные» нарушители договоров подлежали срочному судебному преследованию. Особо жесткие меры воздействия надлежало применять *«к верхушечным слоям деревни, злостно уклоняющимся от выполнения контракции и плановых обязательств и разбазаривающих скот»*.

Несмотря на предпринимаемые властями усилия, заготовительный год в регионе закончился полным провалом. В 1930 г. в территориальных рамках Западно-Сибирского края объем заготовок мяса снизился по сравнению с 1929 г. на 14%, масла – на 50, яиц – на 83%. При этом годовой план мясозаготовок был выполнен на 51%, а маслозаготовок – на 41%⁴⁸. К столь плачевным результатам привело падение численности продуктивного скота⁴⁹, что вызвало данным фактором существенное снижение товарности единоличных крестьянских хозяйств и крайне низкий уровень колхозного животноводства.

Базовой причиной спада явилась форсированная коллективизация и возрождение «военно-коммунистических» методов изъятия сельхозпродукции. Тем не менее, лидеры большевистского режима не отказались ни от проведения коллективизации, ни от нового издания продразверстки. В апробированную схему налогово-податного обложения деревни вносились лишь некоторые изменения.

В 1931 г. контракция продуктов животноводства осуществлялась в следующем порядке⁵⁰. Кампания начиналась с разверстки на регионы, районы и села годовых заготовительных планов. Поселенные планы утверждались райисполкомом раздельно по единоличному и колхозному секторам, а затем обсуждались и принимались на общих собраниях колхозников или на бедняцко-средняцких собраниях единоличников.

В единоличном секторе часть разверстанного на населенный пункт плана сдачи продукции в форме устанавливаемых сельсоветом **«твердых» заданий** возлагалась на хозяйства, зачисленные в разряд кулацких. При этом краевые, а затем районные органы управления определяли процент единоличных дворов, которые должны были получить подобные задания и их долю в общем объеме заготовок⁵¹. Оставшаяся часть плана распределялась между хозяйствами, отнесенными в категорию трудовых в порядке «самообязательств». Контрактационные договоры на поставку продукции в размере «самообязательств» заключались одновременно с принятием поселенного плана или несколько позднее, а затем утверждались сельсоветом и тем самым превращались в не менее «твердое», чем у кулаков, «общегосударственное задание». В колхозном секторе заготовительный план делился между обобщественным и необобщественным стадом.

В контрактационных договорах определялись обязательства коллективных и индивидуальных хозяйств по сохранению и содержанию скота, а также объемы, сроки и порядок поставок произведенной продукции. Применительно к молоку устанавливались помесячные размеры сдачи. Государство в лице кооперативных союзов, в свою очередь, обязывалось осуществлять зоотехническое обслуживание контрактантов и снабжать их промтоварами. Колхозам выделялись производственные кредиты. Отпуск промтоваров и выделение кредитов ставились в прямую зависимость от выполнения заготовительных планов и фактически являлись премиями «исправным» сдатчикам. Выдача дефицитных товаров в первую очередь производилась колхозникам. Для них были установлены более высокие, чем для единоличников, нормы снабжения. Контрактация молока была безавансовой, а шерсти и яиц – как авансовой, так и безавансовой. «Частичная» выдача авансов в счет сдачи скота производилась *«исключительно нуждающимся колхозам и колхозникам»*.

Разверстаный на село заготовительный план далеко не всегда являлся окончательным и в течение года мог вырасти. Его увеличение проводилось в форме «встречного» плана или дополнительного задания и сопровождалось т.н. доконтрактацией, предусматривающей повышение норм и объемов сдачи продукции. Так, в Западно-Сибирском крае средние нормы сдачи молока на 1931 г. первоначально были установлены в размере 4,2 ц на одну корову для колхозов и 3,5 ц – для единоличников и личных хозяйств колхозников. Наркомат снабжения расценил подобное соотношение как «искривление классовой линии» и потребовал изменить условия контрактации. В мае нормы для едино-

личников и колхозников увеличились и составили соответственно 4,5 и 4,28 ц. Однако в июне крайснаботдел отдал приказ вновь провести «доконтрактацию» молока, повысив среднюю норму сдачи на одну корову для единоличных дворов до 7,7 ц, для личных хозяйств колхозников – до 6,4 ц.⁵²

Катастрофическое положение в животноводстве повышенные нормы изменить не могли. Заготовительные задания не выполнялись. Режим ответил репрессиями. Сначала удар пришелся по хозяйствам, получившим «твердые» задания. Однако в конце года власти принялись и за остальных жителей деревни. Председатель Западно-Сибирского крайисполкома Ф.П. Грядинский лично отдавал приказания руководителям районов в случае невыполнения плана скотозаготовок за счет колхозов и «твердозаданцев» выполнить его за счет трудовых единоличных хозяйств и колхозников, не останавливаясь перед изъятием у них единственных коров⁵³. Для членов колхозов положение усугублялось проводимой в крае кампанией по массовому «обобществлению» оставшегося у них скота. В ряде южных районов Сибири последней коровы лишились до 70% крестьянских дворов⁵⁴.

В результате властям Западно-Сибирского края удалось в условиях продолжающегося падения поголовья скота⁵⁵ добиться повышения объемов заготовок по сравнению с предыдущим годом. В 1931 г. сдача мяса увеличилась на 28%, масла – на 38, яйца – на 88%⁵⁶. Ценой сверхнормативного изъятия в деревне животноводческой продукции, которое сочеталось с ее ограблением в ходе хлебозаготовок, стал самый длительный и сильный за все 1930-е гг. голод, в наиболее неурожайных и пострадавших от мясозаготовок южных районах региона переходящий в голодомор.

Перестройка системы налоговых заготовок в начале 1932 г.

В начале 1932 г. в систему налоговых заготовок было внесено ряд изменений. В феврале 1932 г. в соответствии с постановлением СНК СССР началась реорганизация заготовительного аппарата⁵⁷. Сельскохозяйственная кооперация ликвидировалась, а ее функции по контрактации и заготовкам сельхозпродуктов передавались Всесоюзным государственным объединениям «Заготзерно», «Заготскот», «Союзмолоко», «Заготлен», «Союззаготшерсть» и др. При этом общее руководство всеми заготовками возлагалось на организованный при СТО Комитет по заготовкам сельскохозяйственных продуктов⁵⁸. В непосредственное ведение Комзага входила организация заготовок хлеба, маслосемян, льноволокна, пеньки. Соответственно в его подчинении нахо-

дидлись в/о «Заготзерно» и «Заготлен». Заготовители мяса, картофеля, свеклы, табака и махорки функционировали в системе Наркомата снабжения; молока, животного масла, яиц и плодоовощной продукции – Наркомата снабжения и Центросоюза; шерсти – Наркомата легкой промышленности.

Принципиальное значение имело и предоставленное колхозам разрешение на рыночную реализацию сельхозпродуктов, оставшихся у них после выполнения государственных заготовительных заданий и образования внутривладельческих семенных, фуражных и продовольственных фондов. Вкупе с разрешением т.н. колхозной торговли Верховная власть заявила о снижении в текущем году плана централизованных хлебо- и мясозаготовок⁵⁹. Официально была осуждена практика принудительного «обобществления» принадлежащего колхозникам скота и, прежде всего, единственной коровы⁶⁰. Уменьшались нормы сдачи молока⁶¹. Кроме того, в силу неразвитости инфраструктуры по хранению и переработке поступающих государству овощей, картофеля и сена, существенно сокращались масштабы их контрактации. Договоры об их поставках стали заключаться лишь с колхозами и единоличными хозяйствами, расположенными недалеко от перерабатывающих предприятий, городов и рабочих поселков, железнодорожных и водных путей сообщения⁶².

Принципиальные новации вносились в порядок применения антикрестьянских репрессий. С одной стороны, сельские функционеры лишались одного из наиболее широко используемых ими инструментов принуждения крестьян к выполнению заготовительных заданий – проводимых по собственной инициативе и никем не санкционированных арестов. Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1932 г. разрешала впредь осуществлять аресты *«лишь к активным врагам советской власти»* только органам прокуратуры, ОГПУ, милиции и только с санкции прокурора. Председателям райисполкомов, краевым и районным уполномоченным, председателям сельсоветов, колхозов, секретарям ячеек и другим лицам, *«не уполномоченным на это по закону»*, их проведение запрещалось⁶³.

С другой стороны, было принято драконовское законодательство в отношении крестьян, совершающих хищения колхозной собственности, большинство из которых шло на это ради спасения себя и своих семей от голодной смерти. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», затем нареченное в народе «Законом о колос-

ках», предусматривало «*применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества*». Амнистии осужденные по данному закону не подлежали⁶⁴. В сопровождающей Закон секретной инструкции ЦК ВКП(б) уголовное преследование по нему допускалось «*в отношении преступлений, совершенных до издания закона, в случаях, когда преступления имеют общественно-политическое значение*»⁶⁵.

Несколько видоизменялась и контрактационная система. В договорах по контрактации ряда продуктов растениеводства стали заранее предусматриваться фиксированные нормы поставок в центнерах с гектара. Объем сдачи сена также не привязывался к его валовому сбору, а устанавливался в центнерах, «*исходя из преподанного району плана наличия сенокосных угодий, товарного выхода и с учетом направления хозяйства*»⁶⁶. Кроме того, в силу сложностей, возникающих с организацией собраний единоличников, многие сельсоветы стали брать на себя функции непосредственной разверстки заготовительных заданий не только на «кулацко-зажиточные», но и на бедняцкие и середняцкие хозяйства. Таким образом, обязательства по сдаче сельхозпродуктов единоличниками, относимыми к категории бедняков или середняков, де-факто превращались в «твердые задания».

Следующим шагом по реформированию заготовительной системы стала проведенная во второй половине 1932 – начале 1933 гг. замена контрактации наиболее важных продуктов полеводства и животноводства их обязательными поставками, которые де-юре имели налоговый характер.

¹ Сибирские крестьяне, реагируя на вмешательство властей в процесс ценообразования и установление ими хлебных цен на уровне, не соответствующем спросу, существенно сокращали продажу зерна монополизировавшим рынок государственным и кооперативным заготовителям осенью – в начале зимы 1921/22 г., в начале 1924 г., весной 1927 г. Но наиболее широкие масштабы задержка зерна его производителями в регионе в приобретала в 1924/25 и 1925/26 гг. — Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка в Сибири в условиях НЭПа (1921 – 1928 гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 50.

² Статья 107 УК РСФСР гласила: «[Ч. 1.] Злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок [влечет] лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. [Ч. 2.] Те же действия при установлении наличия сговора торговцев – лишение

свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества». — Уголовный кодекс РСФСР. М., 1929. С. 65.

³ Статья 109 УК РСФСР предусматривала лишение свободы «со строгой изоляцией» на срок не менее шести месяцев за «злоупотребление властью или служебным положением, т.е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображением служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушение общественного порядка или охраняемых законом прав и интересов отдельных граждан, или эти действия совершались должностным лицом систематически или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия». — Там же. С. 66–67.

Статья 111 УК РСФСР гласила: «Бездействие власти, т.е. невыполнение должностным лицом действий, которые по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных ст. 109, а равно халатное отношение к службе, т.е. небрежное и недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе, при наличии тех же признаков [влечет] лишение свободы на срок до трех лет». — Там же. С. 68–69.

⁴ О порядке индивидуального обложения сельскохозяйственным налогом см.: гл. 1.

⁵ В Сибирском крае число осужденных по ст. 107 УК составило 1 589 чел. — Гуштин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С. 176.

⁶ Примером подобного «планирования» может послужить кампания 1928/29 г. в Сибири, которая началась в регионе достаточно успешно. Задержки реализации зерна со стороны его производителей в сколько-нибудь значимых масштабах не наблюдалось. Крестьяне, пользуясь проведенным в соответствии с решением июльского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) повышением закупочных цен, а также опасаясь повторения репрессий, активно вывозили на заготпункты товарные излишки хлеба. Помесячные и полугодовые результаты хлебосдачи существенно превосходили показатели наиболее удачной до этого времени кампании 1926/27 г. Многие округа были близки к завершению годового заготовительного задания. (Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921 – 1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 158, 159; Гуштин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 188; Советская Сибирь. 1929. 4 янв.). В то же время в целом по Сибири виды на вторую половину кампании не были абсолютно безоблачными. Региональный годовой план был изначально завышен и возможность его полного выполнения оставалась под вопросом, поскольку абсолютно большую часть своего товарного зерна крестьяне сдали осенью и в начале зимы. Несмотря на это, в январе 1929 г. советское руководство решило увеличить заготовки на востоке страны. Сибирскому краю план централизованных заготовок был повышен на 10 млн пудов, что обосновывалось возникшим в потребляющих районах дефицитом хлебобудов. Однако большую часть дополнительно собранного зерна предполагалось направить не потре-

бителям, а в «секретный неприкосновенный хлебный фонд», создать который решило Политбюро ЦК ВКП(б). — Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. 1927 – 1939. М., 1999. Т. I. С. 511–514, 518.

⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 марта 1929 г. «О мерах усиления хлебозаготовок». — РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1837, л. 5–6; Трагедия советской деревни. Т. I. С. 805.

⁸ Постановление СТО СССР от 7 мая 1929 г. «О хлебозаготовках и хлебоснабжении». — Трагедия советской деревни. Т. I. С. 614–615.

⁹ Урало-Сибирский метод в Сибири получил еще одно наименование – завьяловский. Оно было дано по названию села Завьялово Новосибирского округа, которому был отдан приоритет в его изобретении. 22 марта 1929 г. краевая газета «Советская Сибирь» сообщила, что на собрании бедняцко-средняцкого актива села, а затем на созванном по его инициативе сельском сходе было принято решение о необходимости стопроцентного выполнения плана хлебозаготовок. Для реализации этого решения создали специальную комиссию, которая составила список крупных держателей хлеба и разверстала между ними 65% приходящегося на село заготовительного задания. При этом т.н. кулаки были предупреждены, что если они не выполнят заданий, то будет принято решение об их самообложении в пятикратном размере от стоимости несданного зерна. Остальные 35% плана распределили между собой середняки. Естественно, что завьяловская акция была инициирована сверху и проведена в полном соответствии с постановлением Политбюро от 20 марта, но, как в нем и требовалось, изображалась как местная самодеятельность. «Ни органы власти, ни заготовители участия в этом не принимали. Действовала сама сельская общественность». «Советская Сибирь» призвала «приветствовать» инициативу завьяловцев и распространить новый метод заготовок на другие села региона.

¹⁰ См.: утвержденное Политбюро ЦК ВКП(б) 28 июня 1929 г. постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав местных советов по содействию выполнению государственных заданий и планов». (СУ РСФСР. 1929. № 60. Ст. 589; Трагедия советской деревни. Т. I. С. 659–660); постановление ВЦИК от 28 июня 1929 г. «Об изменении статьи 61 Уголовного кодекса РСФСР». (СУ РСФСР. 1929. № 60. Ст. 591); утвержденная 9 сентября 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Инструкция об организации и деятельности комиссии по содействию хлебозаготовкам при сельских советах». — Там же. № 70. Ст. 681.

¹¹ Статья 61 УК РСФСР в редакции 1929 г. имела следующее содержание: «[Ч.1.] Отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение, в первый раз [влечет] штраф, налагаемый соответствующим органом власти в пределах до пятикратного размера стоимости наложенного задания, повинности или работ; [Ч.2.] во второй раз – лишение свободы или принудительные работы до одного года. [Ч.3.] Те же действия, совершенные группой лиц по предварительному соглашению с оказанием активного сопротивления органам власти в проведении повинности, заданий или работ – лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества, с высыланием из данной местности или без такового». — СУ РСФСР. 1929. № 60. Ст. 591; Уголовный кодекс РСФСР. М., 1930. С. 34.

¹² Статьи 58-1 – 58-14 УК РСФСР предусматривали судебную ответственность за «контрреволюционные» преступления, к коим относились действия, направленные «к свержению, подрыву и ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании конституции Союза ССР и конституций союзных республик рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» (ст. 58-1). К делам, связанным с сопротивлением сельских жителей хлебозаготовительной политике государства, чаще всего подвергались статьи 58-8, 58-10, 58-11 и 58-14.

Ст. 58-8 предусматривала расстрел, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы «со строгой изоляцией» на срок не менее трех лет с конфискацией всего или части имущества за «совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов».

Ст. 58-10 предусматривала лишение свободы «со строгой изоляцией» на срок не менее шести месяцев за пропаганду или агитацию, содержащие «призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или совершению отдельных контрреволюционных преступлений», а аналогичные действия при массовых волнениях – то же наказание, что и ст. 58-8.

Ст. 58-11 за организационную деятельность, направленную на подготовку или совершение преступлений, указанных во всех статьях данной главы, предусматривала те же наказания, что и соответствующие ее статьи.

Ст. 58-14 – лишение свободы «со строгой изоляцией» на срок не менее года с конфискацией всего или части имущества, а «при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела с конфискацией имущества», за «контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата». — СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330; Уголовный кодекс РСФСР. М., 1929. С. 33–40.

¹³ См.: резолюция ХУ съезда ВКП(б) «О работе в деревне». (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 4. М., 1984. С. 301); резолюция ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 г». (Там же. С. 372); постановление СТО от 14 декабря 1928 г. «О контракции продуктов сельского хозяйства в 1928 – 1929 годы» (СЗ СССР. 1929. № 3. Ст. 29); резолюция ХУ1 конференции ВКП(б) «О путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка» (КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 459); и др.

¹⁴ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926 – 1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 177.

¹⁵ Постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1929 г. «Об основных итогах и очередных задачах в области контракции зерновых посевов» (Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927 – 1935. М., 1957. С. 196-198); СНК СССР от 7 октября

1929 г. «О контрактации продуктов сельского хозяйства» (СЗ СССР. 1929. № 65. Ст. 610); ВЦИК и СНК РСФСР от 30 декабря 1929 г. «О порядке заключения и выполнения договоров о контрактации сельскохозяйственных продуктов земельными обществами» – СУ РСФСР. 1929. № 89–90. Ст. 900.

¹⁶ Обязательный гарнцевый сбор в пользу государства за помол зерна был введен постановлениями СНК СССР от 14 сентября 1928 г. и СНК РСФСР от 9 ноября 1928 г. В январе 1929 г. вводилась «натуральная оплата» за переработку маслосемян. Со второй половины 1929 г. проведение гарнцевого сбора регулировалось постановлениями ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1929 г., СНК РСФСР от 6 августа 1929 г. Взимался с перерабатывающих предприятий всех форм собственности. Несдача гарнца наказывалась в административном и уголовном порядке. Частные предприятия, «злостно» закрытые их собственниками «в целях уклонения от сдачи гарнцевого сбора», подлежали конфискации. — СЗ СССР. 1928. № 61. Ст. 555; 1929. № 47. Ст. 409; СУ РСФСР. 1928. № 140. Ст. 919; 1929. № 18. Ст. 189; № 60. Ст. 602.

¹⁷ Уборочно-обмолотный сбор был введен постановлениями СНК СССР от 2 июля 1929 г. и ЭКОСО РСФСР от 6 июля 1929 г. — СЗ СССР. 1929. № 47. Ст. 411; СУ РСФСР 1929. № 55. Ст. 544.

¹⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930 – 1941 гг. Новосибирск, 2002. С. 15.

¹⁹ Известия. 1930. 1 июля.

²⁰ СЗ СССР. 1930. № 34. Ст. 374; Трагедия советской деревни. Т. 2: ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 639–641.

²¹ Формально «встречные» планы должны были представлять собой инициированное трудящимися добровольное выдвижение повышенных предложений (норм, объемов) по основным показателям государственного плана на основе учета имеющихся резервов. (БСЭ. 3-е изд. М., 1971. Т. 5. С. 478). Фактически они очень часто (как в данном случае) являлись разновидностью государственного задания и разверстывались сверху вниз. Так, первоначально возложенный на Западно-Сибирский край план хлебозаготовок на 1930/31 г. в размере 85 млн пудов 15 сентября 1930 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) был увеличен до 92 млн пудов. При этом краевые власти, исходя из указаний Центра, все добавочные 7 млн пудов возложили на единоличные хозяйства. В тех селениях, в которых к этому времени годовые задания по хлебосдаче были уже приняты, практиковался «метод встречных планов». В конце ноября Политбюро предложило краевым властям в течение декабря – первой половины января добиться «в порядке встречных планов» перевыполнения годового задания еще на 7 млн пудов. Практически весь этот объем разверстали между единоличниками. В конце декабря 1930 г. и январе 1931 г., в связи с невыполнением колхозами региона планов хлебосдачи, часть их заготовительного задания (5 млн пудов) перераспределили на единоличный сектор сельской экономики. — Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 37–38, 60–63, 67.

²² ГАНО, ф. Р-12, оп. 2, д. 1853, л. 76.

²³ См.: Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 31–32.

²⁴ В феврале 1931 г. «за саботаж хлебозаготовительной кампании» были распущены колхозы «Герой труда» и «Колос» Пospelихинского района, а также сельхозар-

тель «Имени 13-й годовщины Октября». — Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 75.

²⁵ В ходе хлебозаготовительной кампании 1930/31 г. за невыполнение «твердых» заданий было репрессировано 10 393 крестьянских хозяйств (20% от общего количества «твердозаданцев»). Из них 6 729 было подвергнуто кратному обложению (112 – однократному, 1 766 – двукратному, 1 761 – трехкратному, 729 – четырехкратному и 2 361 – пятикратному) и 3 664 привлечено к суду. — ГАНО, ф. Р-20, оп. 1, д. 202, л. 6.

²⁶ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 73.

²⁷ ГАНО, ф. П-3, оп. 2, д. 158, л. 22об.

²⁸ См.: Красильников С.А. Серп и молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 84–86.

²⁹ Гушин Н.Я. Сибирская деревня ... С. 308; ГАНО, ф. Р-12, оп. 2, д. 529, л. 23.

³⁰ Президиум Западно-Сибирского крайисполкома своим постановлением от 20 февраля 1931 г. установил на текущий год следующие средние нормы сдачи продукции растениеводства (в % от валового сбора): сена – 22%, бобовых – 50, семян льна-долгунца и конопли – 55, пеньки – 60, семян льна-кудряша и кормовых трав – 70, льноволокна, подсолнечника, мака, горчицы и рыжика – 80%. В районах, специализирующихся на производстве зерновых, сдаче государству подлежало от 1/4 до 1/3 их валового сбора, в т.н. незерновых районах – не более 1/8. — Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома, его отделов и управлений. 1931. № 5. Ст. 197.

³¹ В 1931 г. в Западно-Сибирском крае полностью авансировались сахарная свекла, конопля, рыжик, горчица и мак, занимавшие мизерную часть посевных площадей. Посевы бобовых и подсолнечника авансировались только в колхозах и только частично (соответственно 70 и 50% площади посева, 9 и 7 руб. на га). Авансированию подлежали 23,5% посевов льна-долгунца и 28,7% – льна-кудряша. Сумма аванса, которую получали колхозы на один га посева конопли, составляла 46 руб., льна-долгунца – 30 руб., мака – 18 руб., льна-кудряша – 10 руб., горчицы и бобовых – 9 руб., подсолнечника – 7 руб. Для единоличных хозяйств, деньги которым выдавались по остаточному принципу, нормы авансирования мака, горчицы, льна и конопли должны были быть на 1/3 меньше колхозных. — Там же.

³² 27 ноября 1931 г. Запсибкрайснаботдел принял решение снизить нормы отоваривания хлебом «льнопенькосдатчиков». При этом на общих собраниях колхозников следовало ставить вопрос о «добровольном отказе колхозов от получения причитающегося им хлеба за счет использования собственных излишков». 23 декабря 1931 г. крайснаботдел наполовину снизил норму отоваривания растительным маслом сдатчиков маслосемян, мотивируя это слабым ходом заготовок, недостаточной загрузкой маслозаводов и «создавшейся в связи с этим угрозы срыва снабжения рабочих районов». — Там же. 1931. № 161. Ст. 1607; № 181. Ст. 1810.

³³ Так, например, в справке Запсибкрайснаботдела о предварительных итогах доведения планов хлебосдачи 1932 г. сообщалось, что власти 11 районов края добавили к плану централизованных заготовок «страховку от 2 до 4-х процентов». — ГАНО, ф. Р-47, оп. 1, д. 1837, л. 6.

³⁴ К середине октября 1931 г. в Западно-Сибирском крае «твердые» задания по хлебодаче получили 32 240 дворов, что составило 8,7% от общего числа единоличных хозяйств. — Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 158, л. 22об.

³⁵ См.: «Директивные указания Трактороцентра по определению товарных излишков в колхозах, обслуживаемых МТС» от 20 июля 1931 г. — ГАНО, ф. Р-1081, оп. 1, д. 2, л. 37–43.

³⁶ Подробнее о тенденциях развития заготовительного рынка животного масла в Сибири и его государственном регулировании в период нэпа см.: Ильиных В.А. «Масляная война» 1923 – 1928 гг. в Сибири (Государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск, 1996.

³⁷ ГАНО, ф. Р-291, оп. 1, д. 334, л. 7.

³⁸ В Сибирском крае объем централизованных маслозаготовок в 1927/28 г. снизился по сравнению с предшествующим на 5,1%, а в 1928/29 г. – еще на 3,3%. — Гуштин Н.Я. Сибирская деревня ... С. 116.

³⁹ В 1929 г. поголовье коров в Западной Сибири сократилось по сравнению с 1928 г. на 9%. — Там же. С. 462.

⁴⁰ СУ РСФСР. 1929. № 89–90. Ст. 900.

⁴¹ См.: постановления Сибкрайисполкома от 7 декабря 1929 г. «О плане контрактации молодняка крупного рогатого скота и свиней»; от 15 декабря 1929 г. «О мероприятиях по контрактации крупного рогатого скота (по докладу чрезвычайной тройки)»; от 17 декабря 1929 г. «О проведении контрактации молока на 1929/30 г.». — ГАНО, сб. протоколов пленумов и заседаний президиума Сибкрайисполкома. 1929 – 1930 г., л. 97об.; 110об.; 99об.–100.

⁴² См.: ГАНО, ф. Р-291, оп. 1, д. 22, л. 1–2; д. 192, б/л.; д. 445, б/л.

⁴³ Так, законтрактованный на мясо КРС в возрасте до полутора лет следовало сдавать через два года, в возрасте от полутора до двух с половиной лет – через год, в возрасте более двух с половиной лет – через 6 месяцев.

⁴⁴ Колхозам с «обобщественным» скотом выдавались авансы в размере 60%, «прочим» колхозам, животноводческим товариществам и бедняцким хозяйствам – 50%, середняцким хозяйствам, входящим в колхозы и животноводческие товарищества, а также «отдельным маломощным» середняцким дворам, не состоящим в колхозах или кооперативах, – 40% от расчетной стоимости животных на момент сдачи.

⁴⁵ В соответствии с постановлением ЦИК и СНК ССР от 16 января 1931 г. хищнический забой скота в хозяйствах, отнесенных к категории кулацких, наказывался конфискацией земли и скота и лишением свободы сроком до двух лет с высылением с постоянного места жительства или без такового.

⁴⁶ Постановление президиума Сибкрайисполкома от 27 февраля 1930 г. «О ходе мясозаготовок». — ГАНО, сб. протоколов пленумов и заседаний президиума Сибкрайисполкома. 1929 – 1930 г., л. 251–252об.

⁴⁷ См.: Постановление президиума Сибкрайисполкома от 21 августа 1930 г. «О ходе мясозаготовок» (Там же, л. 449–450); резолюция Бийского окружного союза животноводческой кооперации «Об итогах контрактации и заготовок всех видов и проведении проверки контрактации» (Там же, ф. Р-291, оп. 1, д. 445, б/л); постановление Славгородского окрторготдела от 8 мая 1930 г. «О ходе контрактации шерсти и реальности таковой» (Там же); резолюция оперативно-финансового со-

вещания окрмолживотноводсоюзов Сибирского края при Сибживотноводмолсоюзе. — Там же, д. 21, л. 1–8.

⁴⁸ Гушин Н.Я. Сибирская деревня ... С. 465; ГАНУ, ф. Р-301, оп. 1, д. 486, л. 80; д. 93, л. 119.

⁴⁹ В 1930 г. поголовье КРС в территориальных рамках Западно-Сибирского края снизилось по сравнению с 1929 г. на 39%, коров – на 24, овец и коз – на 43%. – Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. С. 517.

⁵⁰ См.: постановление президиума Запсибкрайисполкома от 17 ноября 1930 г. «О плане мясозаготовок на 1930–31 год» (ГАНУ, сб. протоколов пленумов и заседаний президиума Сибкрайисполкома. 1929–1930 г., л. 560–562), от 7 марта 1931 г. «План заготовок молочных продуктов на 1931 год» (Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома. 1931. № 44. Ст. 560), от 3 сентября 1931 г. «О шерстезаготовках». — Там же. № 95. Ст. 1091.

⁵¹ В соответствии с указаниями Запсибкрайкома ВКП(б) и Запсибкрайисполкома «твердые» задания по сдаче продукции следовало вручить 5–7% единоличных хозяйств. Их доля в поставках мяса должна была составить не менее 30%, молока – не менее 15% от порайонных годовых планов. — ГАНУ, ф. Р-301, оп. 1, д. 486, л. 61; Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома. 1931. № 6. Ст. 313; № 12. Ст. 107.

⁵² ГАНУ, ф. Р-301, оп. 1, д. 93, л. 104; д. 846, л. 1.

⁵³ Там же, ф. П-7, оп. 1, д. 267, л. 186.

⁵⁴ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928 – 1941. Новосибирск, 1997. С. 57.

⁵⁵ В Западно-Сибирском крае поголовье КРС в 1931 г. снизилось по сравнению с 1930 г. на 13%, в т.ч. коров – на 15, овец и коз – на 30%. — Сельское хозяйство СССР. С. 517.

⁵⁶ Гушин Н.Я. Сибирская деревня ... С. 465.

⁵⁷ СЗ СССР. 1932. № 10. Ст. 53.

⁵⁸ 13 февраля 1933 г. Комзаг при СТО был преобразован в Комзаг при СНК СССР. — Там же. 1933. № 11. Ст. 58.

⁵⁹ 6 мая 1932 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 года и развертывании колхозной торговли», предусматривающее помимо метода централизованного снабжения за счет государственных хлебозаготовок «практиковать как средство для снабжения городского населения другой метод – торговли хлебом самими колхозами и колхозниками». Ставилась задача «сочетать эти два метода и развивать колхозную торговлю хлебом за счет некоторого сокращения государственных хлебозаготовок по крестьянскому сектору». В целом по СССР план централизованных хлебозаготовок зерна колхозами и единоличными хозяйствами на 1932 г. был установлен в размере 1 103 млн пудов против 1 367 млн пудов в 1931 г.; по Западно-Сибирскому краю – 62 млн пудов против 74 млн пудов. Заготовительный план следовало выполнить не позднее 1 января 1933 г. До 15 января надлежало завершить образование семенных фондов колхозов. После этого разрешалось «предоставить колхозам и колхозникам полную возможность беспрепятственной продажи излишков своего хлеба по своему усмотрению как на базарах, рынках, так и в своих колхозных лавках, обязав местные органы власти оказывать колхозам и колхозникам полное содействие и

принять меры к искоренению частников и перекупщиков-спекулянтов, пытающихся нажиться на колхозной торговле». — Там же. № 31. Ст. 190.

⁶⁰ В постановлении ЦК ВКП(б) от 26 марта 1932 г. «О принудительном обобществлении скота», заявлялось, что «только враги колхозов могут допускать принудительное обобществление коров и мелкого скота». — КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 406.

⁶¹ В 1932 г. норма сдачи молока колхозами Западно-Сибирского края составляла от 70% валового надоя для хозяйств с молочно-товарными фермами, до 50% — для остальных. В 1931 г. все колхозы без исключения должны были сдавать государству 85% произведенного молока. — Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома. 1931. № 6. Ст. 313; 1932. № 12. Ст. 1954.

⁶² См.: постановления СНК СССР от 7 июня 1932 г. «О снижении обязательств колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян по контрактации плодовоошей урожая 1932 г.»; от 14 июня 1932 г. «О снижении обязательств по контрактации картофеля урожая 1932 г.»; от 19 июня 1932 г. «О плане и организации заготовок объемистого фуража урожая 1932 г.» — СЗ СССР. 1932. № 47. Ст. 275; № 48. Ст. 286; № 50. Ст. 306.

⁶³ ГАНО, ф. П-3, оп. 2, д. 339, л. 55, 55об.

⁶⁴ СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

⁶⁵ Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. С. 60.

⁶⁶ См.: «Инструкция о порядке проведения контрактации зерновых, бобовых, крупяных, новомасличных культур ярового посева и травостоя на 1932 год». — ГАНО, ф. Р-301, оп. 1, д. 223, л. 16–25.